

Три, два, ОДИН

Олег Поляков

Олег Поляков

Три, два, один

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70524889

SelfPub; 2024

Аннотация

Поход четвёрки авантюристов к таинственному Гроту за древними артефактами превратился в бесконечную и короткую схватку с судьбой за свою жизнь. А разбуженное Древнее Зло получило в их лице законные цели...

Олег Поляков

Три, два, один

Тёмная, липкая, жирно чавкающая жижа неохотно отпущала тяжёлые военные, изрядно поношенные ботинки. Уже больше подходящие на немислимые бесформенные обмотки, забитые травой и мхом вперемежку с жирной болотной грязью. Их вес с налипшей грязью увеличился втрое. Добавь сюда полтора десятка фунтов за спиной да дюжину пройденных миль с утра по бесконечной топи и получится среднее арифметическое усталости. А этот «турвоаяж» продолжался уже третий день, с ничтожной скупой пайкой из вяленого армагила и пары глотков випа.

И ещё москиты. Эти клубящиеся тучи кровососущих убийц сопровождали их аж от самого Грота, с тупым упорством клубясь следом и надеясь лишь на то, что ультразвуковые антимооситные брелоки когда-то наконец сдохнут и уже ничто не будет стоять между полчищами зудящей армады и этими тремя теплокровными обречёнными. Несметные орды умели ждать своего часа, подыхая сотнями и прирастая новыми тысячами. Утром этого дня их шансы дождаться своего часа заметно возросли, когда один из троицы, вислощёкий очкарик, утопил свой брелок, оскользнувшись на валуне у брода. Очкарика долго и гнусаво материл высокий и крепко сложенный метис, пока сам не отшиб затылок о под-

водные валуны ручья. Его брелок, выпустив из своего нутра тоненькую струйку воды, также погасил оранжевый светодиод и безжизненно повис на шнурке. Метис злобно выругался, зашвыривая его в заросли осоки.

Однако последний ещё работающий брелок делал своё дело, и кровососущая армия, словно пылевой вихрь, лишь в бешенстве кружилась в отдалении, размазывая чёткость горизонта и скрадывая видимость.

Эти трое, несмотря на смертельную усталость, упорно продвигались дальше и дальше, подгоняемые страхом. Это был не страх перед бесконечным Болотом, и не страх перед москитами-могильщиками, это вообще не был страх перед кем-то или чем-то. Это был СТРАХ. Животный, всепоглощающий, лишающий воли и разума СТРАХ! Это было то, что называется отчаянием, безумным опустошением. Трое двигались вперёд, лишь подгоняемые инстинктом выживания, будто чувствуя спиной ненавидящий, горящий злобой и жаждущий смерти взгляд. Взгляд, которого не было.

А было... Дьявольщина... Знать бы, что это было! У этой адовой твари вообще не было глаз и не известно, чем вообще оно определяло своё местонахождение и обнаруживало окружающие предметы. Это Нечто, верно, выползло из самой преисподней, имея лишь одну цель – убивать. Это было воплощение самой неумолимой смерти. А та тощая старуха с косою, которую так любили раньше изображать, оказывалась в сравнении просто младенцем, агнцем, и, как знать, может,

сама и стала первой жертвой этой твари.

Никто из троицы не решался заговорить об этом, поделиться мрачными ощущениями. Скорее, уже не было сил на пустобрех. Трое, не сговариваясь, продолжали монотонно переставлять ноги, осознавая, что остановка будет означать смерть. Смерть, которой не избежать, которая по капле будет выдавливать жизнь из корчащегося тела. Мучительную, кошмарную. Какой сгинул возле Грота Торец. Этот тип всегда был чересчур наглым и любопытным. Совал свой шнобель куда не следовало, всё стремился подмять, опустить, покуражиться. Отродясь не верил в приметы, не молился своим богам. Вот и получил три пуда счастья.

Они как раз только выбрались из треклятого Грота. Грязь стекала с них селевыми потоками, на лицах, превратившихся в чёрно-бурые маски, лишь светились глаза, красные от недосыпа и ядовитых пещерных испарений. Кашель доводил до рвоты, волосы были слипшимися от засохшей крови от неоднократных ударов головой о своды пещеры. Пальцы рук с трудом удерживали ягелевые самокрутки. Но паршивее всего было на душе. От осознания того, что все труды пошли прахом. Нет там ничего, в этом треклятом Гроте. По всему выходило, кто-то сюда добрался раньше и вынес всё под чистую. А ведь путешествие обещало быть коротким, приятным и богатым на бесценные находки. Те штуки, сиреневые цилиндры, о которых полушепотом говорил в таверне старый Кнюк, если, конечно, они существовали на самом деле,

принесли бы невероятное количество бабла. Можно было бы купаться в первоклассном випе до окончания своих дней, лапать красоток и бить кулаком в нос любого, кто неучтиво поклонился, переломившись лишь параллельно полу.

Осознание какой-то проклятости, полной бесполезности и никчёмности положенных усилий доводило каждого до иступления. Даже на обычные монотонные перебранки не было сил. Только тупая и смертельная усталость от многодневного блуждания в чреве Грота.

Пока все смаковали чистый свежий воздух, повалившись на мох, Торец, процедив что-то сквозь зубы, достал из своего вещмешка дозу нитроглюкококаина и отошёл, сославшись по нужде, в кривую расщелину, оскалившуюся остроконечными останцами правее и выше чернеющей пасти Грота. От этой расщелины тянуло каким-то необъяснимым беспокойством. Что-то неприятное и отталкивающее мерещилось в чёрном зеве скального распадка. И чего он туда попёрся?! Дурень хренов. Вечно находил себе приключения на свой беспокойный зад.

Лежащие уже готовы были уснуть тут же, на мшистом склоне, прогреваемом ещё тёплым осенним солнцем, как над ущельем разнёсся низкий басовый гул, напоминавший стон. Земля дрогнула и забилась в какой-то нервной судороге. С останцев посыпалась крошка, в рюкзаках задрезбуждали верёвочные крючья и карабины. Сон сняло как рукой. Трое дремавших вскочили на ноги, ошалело вглядываясь в рас-

щелину, в которой скрылся Торец. Именно оттуда исходил странный и тревожный гул.

Когда раздался душераздирающий крик, ноги уже уносили троицу прочь от этого места, однако повторный надрывный крик заставил их остановиться и обернуться. То, что предстало их глазам, вряд ли могло присниться даже в самом страшном кошмаре. Из ущелья потянулась какая-то прозрачная субстанция, которую только и можно было угадать по мареву и ряби воздуха. Нечто пузырячатое и бесформенное выпучивалось из расщелины и тянуло за собой Торца. Он был видимо, оглушён, но находился в сознании, мотая головой и пытаясь сообразить, что твориться вокруг. И едва троица была уже готова сорваться в неконтролируемое бегство, как это Нечто на их глазах с лёгкостью выжало Торца будто тряпку. Его тело брызнуло во все стороны и упав, отпущенное нечистью, осталось лежать жутким скрученным свёртком. На какой-то миг, казалось, установилась гробовая тишина. Даже ветер, даже москиты замерли, словно в остановившемся кадре, и пудовая тяжесть налила конечности. И воздух не пробивался в лёгкие, упираясь в холодеющий комок в горле. И тело онемело в остановившейся мышечной конвульсии. И начало меркнуть в глазах.

И drobный звон, ударивший в виски, сверзивший очки с носа Шикаря, ошеломивший и выведший из исступления. И началось бегство!

Глаза не видели пути, ноги делали трёхметровые прыжки, и тело было похоже на заведённую механическую игрушку. В висках набатом барабанил бешенный пульс, подстёгиваемый слоновьими дозами адреналина. Достаточно было бросить беглый взгляд назад. А позади...

Нечто, перекатывая свои клубы, скользило следом, едва различимое на фоне болотных испарений, поминутно вытаскивая встреченных на пути болотных тварей и выворачивая их наизнанку. Будто снегоуборочный комбайн, эта хреновина устилала за собой свой путь выжатыми тряпками звериных тушек. А перед беглецами, почуяв неладное, из нор уносились прочь те из тварей, что обладали особым чутьём. И весь этот обезумевший зоопарк казался живым ковром, а точнее дорогой смерти.

И стучала в голове лишь одна мысль – бежать..! Бежать, главное, не останавливаться, не снижать темп, не провалиться в топь и не вывихнуть ногу. И они бежали, сопровождаемые роем гладкокожих, чешуйчатых, склизских, вонючих и шипокрылых тварей.

И это паническое бегство продолжалось вечность и ещё один день. А потом усталость начала брать своё. Темп стал падать, и адреналин уже не мог помочь, да и нечто понемногу скрылось вдаль, и никто не знал, преследует ли ещё эта тварь или, наконец, натешилась, отстала. Однако остановиться не было сил. Команда на самосохранение зацементировалась в

мозгу и перешла в разряд инстинктов. Бегущие люди превратились в автоматы, движимые этим инстинктом и потребляя последние крохи энергии.

И когда уже казалось, что батарейки у этих автоматов полностью сели и вертикальное положение тела такая же невозможная штука, как свободный полёт, это дьявольское порождение ада добралось до Грида. До маленького щупловатого весельчака Грида. Который и лающую сучку-то пнуть не мог, делился завтраком с любой лохматой тварью, заглянувшей ему в глаза и повилявшей веником. Однако-ж, вишь ты, на небе и этого не разглядели, раз подтолкнули Грида к этой хрени.

А хрень не стала его выжимать подобно стиральной машине. Она его прикончила, вытащив позвоночник из обмякшей требухи, обёрнутой тряпками. Бедняга так и не успел понять и испугаться, и это обстоятельство, кажется, взбесило нечисть. Её взбесила собственная торопливость. И оставшиеся нутром догадались, что им лёгкой смерти не ждать. Если смерть Грида можно считать лёгкой.

Какое адово место породило эту тварь. Что ей понадобилось у Грота и что такое сделал гнида Торец, что теперь эта тварь не успокоится, пока не вывернет наизнанку последнего из них. Неужели ей нечем заняться, кроме как гнаться за двумя обезумевшими от ужаса двуногими. А может, это и есть её любимое занятие. А может, это её предназначение..? Тогда какому умственно неполноценному уроду пришла в

башку мысль вывести эту пузырячатую смерть на прогулку? И почему именно сейчас.

Шикарь и Полоз, уже неуверенно петляя и сталкиваясь локтями от перенапряжения и усталости, ковыляли вдоль заросшего высокой травой ручья, сменившего болотные пространства, поминутно проваливаясь в невидимые подводные ямы. Холодная ключевая вода постепенно сковывала движения, но двое этого не замечали. Они брели вперёд, уже не представляя, куда лежит их путь. Плевать куда, лишь бы подальше от этой твари! И когда в очередной раз Шикарь, лишённый своих очков, зацепился за корягу и рухнул в ледяную воду, Полоз не заметил его пропажу. Да и сомнительно, что он знал о существовании какого-то Шикаря последние несколько часов. Или дней?

Полоз уже и не соображал, почему нужно обязательно двигаться и кто он такой, как его имя и есть ли у него боги. Безмолвие и обнаглевшие москиты уже не трогали его, лишь угасающий отблеск мысли ещё бился затухающим пульсом в его мозгу – вперёд, вперёд.

И в подступивших сумерках он уже не мог заметить, что практически топчется на месте, а вокруг него очертания травы и кустов теряют свои резкие очертания и атакующие москиты песком сыплются на землю. И лишь когда новый дробный звон ударил в переносицу и прояснил на миг сознание, Полоз увидел перед собой своё размытое и изгибающееся изображение и последней угасающей мыслью его было – То-

рец, сволочь, твой нитроглюкококаин снёс башню этой душегубке...